

Стоило войти в шатер, как удушливый зной немного отступил.

Под безжалостным солнцем Линнаня, в душном безветрии, когда от утреннего напряжения нервы у всех были натянуты как струны, люди взмокли так, словно их только что вытащили из воды. В тесном шатре было душновато, но плотная ткань хотя бы укрывала от палящих лучей. А быть может, прохладой веяло от самого уездного судьи Цзяна — от его ледяного спокойствия и сурового взгляда мороз пробежал по коже.

По пути советник Чжан мысленно готовился просить о наказании и лишении жалованья. Обустройство беженцев доверили ему. Цзян Умянь лишь очертил общий план, установил правила и расписал инструкции, а всю непосредственную работу вел именно Чжан Жун. Поначалу все шло гладко: он успешно руководил артелью Лу Юя и быстро пресек первые слухи. Чрезмерная уверенность усыпила его бдительность. Он упустил момент, когда среди переселенцев затесались смутьяны. Те принялись мутить воду и сеять панику, в итоге переполошив и генерала Сюэ, и самого уездного судью, которым пришлось лично расхлебывать чужую кашу.

Чжан Жуном овладело горькое раскаяние. Стоило представить, как уездный судья стоял перед бушующей толпой — ведь качнись людское море сильнее, и юношу просто растоптали бы, — как к горлу подкатывал липкий страх. Каким бы искусным бойцом ни был господин Цзян, против разъяренной черни он бы не устоял.

Чжан Жун помрачнел, от застывшего как изваяние Цзян Умяня веяло стужей, а генерал Сюэ Вэнь едва сдерживал ярость. Вошедшие следом строители во главе с Лу Юем затаили дыхание, боясь издать хоть звук. Обстановка в шатре накалилась до предела.

Цзян Умянь стряхнул наваждение. Заметив, как зажались плотники Лу Юя, он понял, что суровый вид начальства не на шутку напугал простых работяг. Напряжение в его осанке исчезло, и он произнес уже мягче:

— Спасибо, что вступились за меня и раскрыли правду. Без вашей помощи сегодня пришлось бы несладко.

Смутьяны могли сколько угодно чесать языками, но их лживые речи рассыпались в прах перед живым примером Лу Юя и его людей. Они стояли здесь — сытые, здоровые, уверенные в завтрашнем дне. Пусть в их облике еще угадывалось недавнее прошлое измученных скитальцев, в глазах уже горел огонь жизни. И любой, у кого была голова на плечах, сразу соображал, кому верить.

Прежде Лу Юю уже доводилось встречать уездных судей. В былые времена, еще до того как лишиться крова, он видел, как чиновник выезжал в город. Простой люд тогда покорно никнул к земле по обочинам дорог, и все, что улавливал взгляд, — это начищенные сапоги стражников, взбивающие дорожную пыль. Роскошный экипаж проносился мимо с мерным грохотом колес,

оставляя после себя лишь едва уловимый аромат дорогих яств, который быстро растворялся в воздухе.

Но такого уездного судью, как Цзян Умянь, они видели впервые в жизни. Он не требовал земных поклонов, спасал людей от голодной смерти, а провинившимся давал шанс исправиться — наказывал лишь монетой, но никогда не лишал куска хлеба. Да и разве дома, в родных краях, им удавалось наесться досыта? Когда гнули спину на богачей да управляющих, радовались миске пустой жижи с парой соленых листьев — набить брюхо хотя бы наполовину считалось за счастье!

У Лу Юя перехватило дыхание от подступивших слез. Благодарность, благоговение — лавина чувств захлестнула его, когда стражники вежливо вывели их наружу. Стоило выйти под полуденное пекло, как Лу Юй утер покотившиеся слезы и твердо произнес:

— Уездный судья Цзян — наш спаситель. Будем до конца дней гнуть на него спину, но долг вернем! Нельзя нам подлецами быть.

Его слова отозвались в сердцах остальных плотников:

— Верно говоришь! Нельзя предавать доброту!

Их дружный хор долетел до шатра. Сюэ Вэнь хмыкнул и спросил:

— А с теми зачинщиками что делать думаешь?

Цзян Умянь распорядился упрятать смутьянов в подземелье уезда Шаоюань. Послав гонца к советникам Линю и Чжао за особыми снадобьями, он в сопровождении Чжан Жуна и стражника Ли Е направился вершить скорый суд.

Услышав это, шедший рядом Сюэ Вэнь побелел как полотно. Его едва не вывернуло наизнанку.

— Нет уж, я с тобой не пойду, — замахал он руками. — Иди сам. Давай, удачи тебе.

Когда в дело вступали снадобья этой парочки советников, выжить до рассвета становилось для узников непосильной задачей. Цзян Умянь окинул его насмешливым, холодным взглядом. Боевой генерал, исходивший пол-империи и повидавший горы трупов, пасовал перед обычным допросом. Да и не страх это был вовсе — просто от утробных воплей истязаемых кровь стыла в жилах. Даже в загробном царстве Фэнду грешники завывали не так жутко. Генерал рассудил, что его нервы для подобных зрелищ не годятся, и поспешил убраться подальше от места, которое вскоре должно было превратиться в сущий ад.

А вот стражнику Ли Е, державшему в руках заветные шкатулки, не повезло — ему пришлось испить эту чашу до дна.

Вскоре из глубины застенков донеслись дикие, нечеловеческие вопли. От этих звуков лопались перепонки, и Ли Е понял, что кошмары будут сниться ему до конца жизни. Удивительно, но пытаемые оставались в сознании — снадобья не давали им забыться спасительным обмороком. Густой запах крови смешался с удушливыми испарениями. Сырое, темное подземелье теперь казалось подлинным преддвесием преисподней.

Молодой стражник задрожал всем телом, пальцы его ослабли, и он едва не выронил поднос с инструментами. Заметив его состояние, Чжан Жун молча забрал ношу и кивком отослал парня на свежий воздух.

Ли Е, онемев от ужаса, не смог даже выдать благодарность. Он пулей выскочил наружу, спотыкаясь на каждом шагу. Пробегая мимо камер, где томились арестованные члены четырех богатых семейств, он заметил, как те в ужасе забились в самый дальний угол. Они прижимались друг к другу, дикими глазами глядя на дверь допросной, из-за которой неслись истошные крики.

Когда он поравнялся с решеткой, из темноты раздался надтреснутый, умоляющий голос:

— Господин... у меня есть новые сведения... Я готов все выложить...

Разобрать лица в полумраке было невозможно, да и сил слушать чужие признания у Ли Е не осталось. Он прибавил шагу, стремясь поскорее выбраться из этого склепа.

Когда стражник наконец пересилил себя и вернулся, допрос уже завершился. На лице Цзян Умяня не отражалось ни единой эмоции. Советник Чжан неторопливо укладывал инструменты в ларь. Ли Е поспешил на помощь, но едкий, железный запах крови вновь ударил ему в нос. Краем глаза он заметил распростертые на дыбе изуродованные тела и багровые лужи под ними. Похолодев, Ли Е устался в землю под ногами. Пальцы наткнулись на что-то липкое и теплое на рукоятки сундука, но он заставил себя этого не замечать, помогая советнику закончить сборы.

Теперь к привычному благоговению перед молодым уездным судьей примешался неподдельный, глубокий страх. Стало ясно, откуда пошли слухи, будто их господин — сам вестник смерти. С такими безжалостными методами ему впору занимать трон повелителя загробного мира.

Цзян Умянь вернулся в управу со стопкой исписанных листов. Сюэ Вэнь все еще сидел в главном зале, лениво попивая чай с самым безразличным видом. Стоило судье опуститься в кресло, как генерал тихонько спросил, косясь на его бумаги:

— Живы хоть?

— Когда я уходил, еще дышали, — бесстрастно ответил Цзян Умянь, протягивая ему признание. На краях листов темнели свежие бурые пятна.

«Что ж, коли повезет — дотянут до рассвета, — пронеслось в голове у генерала, — а нет — так туда им и дорога».

Быстро пробежав глазами первые признания, Сюэ Вэнь брезгливо швырнул листы на стол, словно это была грязная ветошь.

— Сговаривались с разбойниками, грабили обозы, промышляли работоторговлей и крали детей... Чем вообще занимался здешний уездный судья? Жрал казенный харч?

Вопрос, конечно, хороший. Жаль только, задать его покойному предшественнику Цзян Умяня уже не представлялось возможным.

В Линнани небо высоко, а государь далеко — один только императорский указ идет сюда по полгода. Ослабевшая длань столицы не дотягивалась до южной окраины, и уездные судьи с префектами давно превратились здесь в полновластных удельных князьков. Народу оставалось уповать лишь на слепую судьбу: какой правитель достанется — милостивый или тиран. Предыдущий уездный судья Шаоюаня ничем не отличался от прочих. Безграничная власть развратила его душу, породив неутолимую жажду наживы.

— Главари утверждает, что ниточки тянутся к уездному судье Пинцина, — Цзян Умянь нахмурился. — Но я никогда не имел дел с этим человеком.

Будь у них старые счета — все бы прояснилось. Но он едва ступил на линнаньскую землю, не знал соседа лично и уж точно не мог перейти ему дорогу. Если дело в конфискованном имуществе четырех семейств — при чем тут соседний уезд? Эти дельцы открыто преступили законы Великой Чжоу. Любой здравомыслящий чиновник бежал бы от них как от чумы. Не мог же уездный судья Пинцина быть настолько круглым дураком, чтобы марать руки о явных государственных преступников.

Генерал усмехнулся. Заметив неподдельное недоумение во взгляде юноши, он подумал, что уездный судья Пинцина от такого пренебрежения точно разбил бы с досады пару драгоценных пиал.

— Неужто Чжан Жун тебе ничего не объяснил? — приподнял бровь Сюэ Вэнь.

При чем тут Чжан Жун? Враги, уничтожившие его семью, плели интриги в столице, а никак не здесь... Постойте. Чжан Жун...

Судья замер на полуслове, и глаза его опасно сузились:

— Беженцы... Люди уходят из Пинцина?

— Именно, — подтвердил Сюэ Вэнь. — Пинцинские крестьяне массово бросают свои скудные наделы и бегут к тебе под видом бездомных бродяг.

Для чиновника число душ под началом — главный показатель успешной службы. Уездный судья Пинцина умом и талантами никогда не блистал, а потому дорожил каждой живой душой. Он надеялся показать хорошую отчетность при грядущей трехлетней проверке, получить заветную оценку «без нареканий» и укатить на повышение в управу покрупнее.

Когда по югу прокатились мятежи, бунтовщики увели с собой немало народу. Опустели уезды по соседству, и пинцинский правитель особо не беспокоился — беда-то была общая. Но тут, как на грех, в Шаоюане объявились новые порядки. Ты стал платить звонкой монетой и выдавать зерно каждому, кто готов трудиться. Разумеется, голодный люд со всех сторон повалил к тебе. Обычные крестьяне, прозябавшие в нищете, прослышав про сытую жизнь, бросали дома, лишались законного имени и бежали в Шаоюань, соглашаясь на участь бесправных пришлых душ. Больше всех, конечно, пострадал соседний Пинцин, откуда народ побежал целыми деревнями.

Цзян Умянь презрительно усмехнулся:

— Не от меня они бегут, а от собственного бездарного уездного судьи. Вот уж действительно — стихийное бедствие на шее у народа.

Покрывать грязных дельцов, наживаться на слезах подданных и грабить беззащитных — истинное проклятие для уезда, когда им правит такой мздоимец.

— И что ты намерен предпринять против этого кукловода? — поинтересовался Сюэ Вэнь.

Зная злопамятность судьи Цзяна, генерал не сомневался: тот, кто посмел строить против него козни, дешево не отделается. Однако уездный судья — фигура весомая. Его нельзя просто так затащить на дыбу, как этих несчастных наемников.

— Сведем счета позже, — Цзян Умянь отпил остывший чай. — Слишком долго радоваться ему не придется. Сейчас важнее направить новых людей на рудники. В Шаоюане дел неуворот: нужно распахивать пустоши, добывать руду, возводить амбары, ковать оружие, обучать ополчение...

Сюэ Вэнь невольно поморщился, слушая этот бесконечный перечень дел.

«И это он называет «позже»? — содрогнулся про себя генерал. — Да он собирается резать

соседа тупым ножом, пядь за пядью отнимая у него власть и людей!»

— В уезде разворачивается большая стройка, а рабочих рук по-прежнему не хватает, — вздохнул Цзян Умянь.

Однако жаловаться на нехватку людей долго не пришлось. На следующее же утро в ворота управы постучал запыхавшийся гонец:

— Господин уездный судья! Новые чиновники прибыли! Помощник судьи, регистратор и заведующий тюрьмой и архивом уже у городских ворот!

Долгожданное подкрепление из префектуры Нанькан наконец-то прибыло в Шаоюань.

<http://bllate.org/book/19045/1934124>